

Последний романтик ушедшей эпохи

Беседовал
Владимир Преображенский,
фото автора

Владимир Михайлович Зелздин — один из немногих актеров «старой школы», современниками которых нам еще повезло быть. Человек высочайшей культуры, истинный интеллигент. Сегодня ему 89, но он и по сей день не покидает сцену. А ведь первый фильм с его участием «Свинарка и пастух» (1941) стал своеобразным символом эпохи. Лауреат многочисленных премий, народный артист СССР, Зелздин много лет отдал театру. Причем вот уже 60 лет он остается верен одному из них — Театру Российской армии. В его личной гримерке как-то по-домашнему уютно. Наша беседа течет плавно, неторопливо, и как будто общаешься не просто с живой легендой театра и кино, но и совсем с другой эпохой.

— Владимир Михайлович, недавно мы миновали очередную печальную и памятную годовщину нашей истории — 22 июня. Как началась для вас Великая Отечественная война? Вы помните этот день?

— Да. Мы заканчивали натурные съемки в Кабардино-Балкарии фильма «Свинарка и пастух». И вот уже завершилась экспедиция, мы приехали в аэропорт Минеральные Воды, чтобы лететь в Москву. И долго не было самолета. Мы в недоумении — почему так. Никто не знает — ни в аэропорту, ни в справочной. Мы пошли на базар тогда, купить что-нибудь поесть, фруктов. Нас успокоили: без вас, говорят, не улетим. И вдруг из громкоговорителей речь Вячеслава Молотова о начале войны. Мы мигом пошли в аэропорт, заблудились, зашли даже на какое-то кладбище, наконец добрались. Нам сказали, что самолеты в Москву не полетят, возвращают билеты, деньги. И нам пришлось сразу из аэропорта на вокзал — поехали поездом. Народу было очень много, вагоны переполнены, ехали и в тамбуре. Так и добрались. Москва была первые дни просто в шоке. Никто не мог ничего сообщить. Почты, телеграфы были наполнены людьми, которые посылали телеграммы, письма, звонили по телефону родственникам. Это было время большой даже не тревожности, а растерянности. Вот так началась война.

— А как она для вас закончилась?

— Я точно не помню, где этот день меня застал, потому что мы очень много и во время войны, и после, когда наши гарнизоны остались в Германии, в Чехословакии, в Венгрии, ездили по этим местам. И в Афганистан тоже в это время ездили. По-моему, сам День Победы все же застал меня в Москве... Мне кажется, это самый великий праздник — для меня, для моих соотечественников, особенно для моего поколения, которое прошло дорогами войны и все сделало для того, чтобы выйти с честью... Тут еще хочется сказать и о другом. Вполне понятно такое неоднозначное отношение людей моего поколения к руководству, к тому же Никите Хрущеву, который Порт-Артур просто отдал китайцам. Там ведь лежат кости наших русских солдат, наших соотечественников. И когда распался Советский Союз... Тот же Крым, который Екатерина с Потемкиным отвоёвывали, из-за которого была столетняя война с Турцией, Севастополь, с которым связана слава Черноморского флота, русского флота, — вдруг взяли и отдали все. А ведь все связано с Крымом — и дворцы наших царей, Ливадия та же. Давай же задумаемся: а вот те люди, которые отдали жизни в Отечественной войне, с ними как?.. (После паузы). Ведь это же предательство по отношению к ним. Если порассуждать не с патристических высот, а по-человечески. Предательство самое настоящее! Вот человек воевал, отдал самое дорогое — жизнь, воевал за Крым, воевал за Севастополь, а потом росчерком пера чье-то все перечеркивается. Надо же думать об этом! Надо думать до самого конца о тех людях, которых мы потеряли, которых с нами нет, которые лежат в могилах. Они должны быть всегда в памяти нашей.

— Меняется ли как-то, на ваш взгляд, актерский мир от десятилетия к десятилетью?

— Да, конечно. Меняется время, меняются люди, меняется зритель, меняется театр. Я застал еще совсем другой театр: когда он назывался храмом, в его здании все тихо разговаривали, где курили в строго отведенных местах, где не ходили полной ступней мимо сцены, а на цыпочках, чтобы не было шума. Потому что актер — это тоже инструмент. Он должен вот в этой обстановке, атмосфере построить свой внутренний инструмент на определенный лад, волну, вызвать в себе определенное самочувствие творческое, чтобы он мог жить в тех или иных обстоятельствах сцены, пьесы, которую он репетирует и играет. А сейчас в театре это все нарушено. Многие театры свое помещение сдают в аренду, и это вредит какой-то особой театральной атмосфере. В то время, я помню, в театре часто чувствовался запах еще не застывшей краски декораций, и была в этом какая-то своеобразная прелесть: запах грима, пудры...

— А какие изменения претерпевают отношения между актерами?

— Такова наша профессия — она связана с конкуренцией, с завистью, с негативными какими-то проявлениями. Критик, режиссер, ученик Алексея Дмитриевича Попова, покойный руководитель одного из московских театров Борис Львов-Анохин, народный артист России, говорил, что существуют три категории актеров: хорошие, полезные и вредные. Вредные — категория людей, которые случайно попали в театр, не имея на это никаких данных. Потому что из человека можно сделать актера тогда, когда у него есть темперамент, эмоциональность, заразительность, обаяние, внешние данные, в конце концов. Без этих качеств актер невозможен. Плюс, конечно, музыкальность, умение двигаться на сцене. А некоторые, не имея этих качеств, попадают просто случайно и, чтобы занять какое-то более-менее положение, занимаются интригами и прочими нечестными делами.

— То есть разные люди бывали в театре во все времена? Или сейчас больше чувствуется определенная разобщенность?

— Что касается нашего театра, то, наверное. А в том театре, в который я пришел в свое время — в театре Красной Армии, в театре, которым руководил Алексей Дмитриевич Попов, никакой разобщенности не было. У нас был сплоченный коллектив. Почему? Мы видели друг друга не только на репетициях той или иной пьесы. Каждый месяц, а иногда и чаще он собирал всю труппу театра (особенно когда были какие-то проколы). Были очень творческие, содержательные разговоры спектаклей, сыгранных ролей. Спектакли были под контролем режиссеров. После спектакля через какое-то время собирався коллектив, задействованный в нем, делались замечания, проходили дискуссии. На этом наша актерская молодежь росла. Мы были как-то объединены. А сейчас...

— Дистанция поколений чувствуется?

— Нет, никакой особой дистанции поколений нет. Все зависит от человека в конечном

счете. Я скажу, что сейчас мы сыграем спектакль — и разбегаемся. Так вот и играем, режиссер не собирает нас, не делает никаких замечаний. А ведь спектакль, когда он долго играется, обрывает всякими «ракушками», как корабль. И от этих «ракушек» его нужно периодически очищать. Вот это большой, как мне кажется, минус. И молодежь как-то должна расти. А как она будет расти? Все нужно анализировать: что я там сыграл в пьесе в этот раз, а может, я там что-то наврал, сфальшивил, недоиграл. Это требует не только молодому актеру, это нужно и мастеру с большим опытом.

— К сожалению, многие актеры «старого» поколения оказываются сегодня неостребованными, забытыми. И это, увы, не зависит от их таланта. Почему так происходит?

— Да, актер человек зависимый: дадут роль — не дадут роль. Так сложились обстоятельства, что такие выдающиеся актеры, как Федор Леонидович Чеханков, Покровская, Людмила Касаткина, Людмила Чуркина (я могу назвать еще ряд актеров) — за семь лет ни разу не выходили в какой-то премьеры на большую сцену. Проблемы были и у Остужева в Малом театре, который 10 лет ничего не играл, потом сыграл Отелло, уже когда ему было 60 лет. Или Бабанова... А Раневская, которая мало сыграла!

— От чего это зависит?

— От главного режиссера. А вот, скажем, Арцыбашев, когда пришел в Театр Моссовета, сразу принес туда спектакль «Женитьба», всех «первачей» занял на этот спектакль. Я видел, это блестящая постановка, очень талантливая. Там актеры замечательные играют: Костоловский, Лазарев, Немоляева. Я получил такое наслаждение! А потом этот Арцыбашев, придя в театр, даже взял актеров 40-45 лет, которые долгое время не играли в этом театре ничего, ходили в массовых сценах, в эпизодах. Он специально поставил спектакль с этими актерами. И получилось великолепно. Потому что актеры эти очень одаренные, талантливые и несправедливо неиспользованные. Всегда нужно думать об актерах. Ведь актеры — это судьба его, это его жизнь. Юра Соломин — совершенно уникальная личность — сказал о том, что для актера роль — это самое лучшее лекарство. А актер, который не играет, это то же самое, что музыкант, который не играет: у него уже безглот пальцы пропадают, уже техника не та. И у актера все его эмоции, темперамент закрываются внутри такой паутиной.

— Вас это тоже коснулось?

— Я прожил очень большую жизнь, но несмотря на то, что сыграно много ролей, на какое-то свое положение в театральном мире, авторитет, все

это не имеет порой значения. С тобой могут не считаться. Такое было и есть. Внешне хорошее отношение: ля-ля-тополя, улыбки, пощелки, а когда доходит дело до творческих вещей, здесь наступает то ли ревность, то ли какие-то другие мотивы — не знаю.

— Где вам приятнее и легче работать — в кино или в театре? И в чем существенное отличие этих двух сфер для актера?

— Это разные вещи. В кино нужно быть перед аппаратом ежесекундно готовым повторить тот или иной, даже небольшой, эпизод, фрагмент с любого места — какую-то фразу, какой-то вопль. А в театре я могу к этому подойти постепенно, нарабатывать что-то на репетициях. В шкуре своего персонажа нужно быть и там, и там. Но в кино нужно мгновенно реагировать на требования режиссера, никакое время на размышления и подготовку нет. Размышляй дома или где-нибудь в другом месте, в перерыве за чашкой кофе.

— Есть ли у вас роли, о которых вы мечтали, но которые так и не удалось сыграть?

— Конечно. Как и многие актеры, много не сыграл ролей, которые хотел бы. После спектакля «Учитель танцев» мне Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, подарив книжку со своим переводом пьесы, написала: «С надеждой, что мой милый Альдемаро пре-

вратится в Ромео». Она думала, что я смогу сыграть в пьесе «Ромео и Джульетта» в ее переводе. Но не удалось! Хотел сыграть Сирано де Бержерака, тоже не удалось. Очаровательный режиссер, ныне главный режиссер Театра Моссовета Павел Осипович Хомский, поставил пьесу «Моя профессия — синьор из общества». Там играли я, Ирина Покровская, многие интересные актеры. Этот спектакль имел успех. И вот я думал, что он захочет у нас поставить «Сирано де Бержерака», пьесу Ростана. А в то время очередным режиссером в Театре Моссовета был Юрий Александрович Завальский. Он и говорит Хомскому: «Зачем тебе там ставить этот спектакль в Театре Красной Армии, поставь у меня». И уговорил. Так роль прошла мимо меня. Что ж теперь говорить?!

— Над чем вы работаете в настоящее время?

— Дай бог, чтобы у меня вот сейчас очередной спектакль, который я репетирую с удовольствием, получился. Он называется «Человек из Ла-Манчи», по Сервантесу. Мне кажется эта пьеса очень своевременная в наш жестокий век. Потому что она говорит о добре. Вот я вам скажу фразу из одного монолога спектакля, вы поймете: «Нельзя ничего считать своим, кроме своей души. Все то, что жалко отдавать, станет обузой на пути...» Идею подарил мне Юлий Со-

ломонович Гусман, как-то мы были на одном из кинофестивалей. Но подготовка длится уже очень долго, около трех лет. Пьеса могла бы быть давно поставлена, если бы не было здесь всяких проблем — и творческих, и финансовых. Я думал, что в этом сезоне пьеса уже выйдет, но ничего не получается. Все переносится на декабрь, у театра свои резоны. Но для меня, как вы понимаете, каждый день имеет огромное значение. Доживу я или нет, я не знаю. В феврале будущего года мне будет 90.

Слова

Наталья Трубникова, балерина, актриса:

— Владимира Михайловича Зелздина я знаю очень давно. Мне посчастливилось поработать с ним во время съемок фильма «31 июня». Зелздин — страшно обаятельный человек, от него все время шло какое-то тепло. Он бесконечно интеллигентный и вежливый.

Федор Чеханков, актер Театра Российской армии:

— Если бы в моей жизни не было Владимира Михайловича Зелздина, то я был бы другим и жизнь моя была бы другой. Возможно, я не стал бы актером. Талант передать невозможно, это гены, это физика, — им можно только восхищаться. В свои годы он потрясающе выглядит! На днях я видел, как он подходил к театру — удивительное благородство облика... Это все изнутри, это его доброта — он никогда не злит, никогда никому не делал плохого. Добрый спокойный человек в наше неспокойное время. Он по-прежнему живет в своей маленькой квартире, 26 квадратных метров всего, и это народный артист, человек, который всем нам выбивал телефоны, квартиры... Для себя он не просил ничего. И я, и мы все счастливы, что мы есть в его жизни и что в нашей жизни есть он.

Но сыграть очень хочется. У актера, как и у спортсмена, должна быть ритмичность. Спортсмен все время тренируется. Он приходит к пиксу своих достижений, снова выходит на старт. Так и актер. Он репетирует, ежедневно постигая все творческие премудрости, выходит на прогон, на генеральные репетиции и на спектакль. А когда ты интенсивно репетируешь, а потом у тебя перерыв, а потом еще перерыв — это очень сложно.

— Я хотел вспомнить одну вашу замечательную роль — в фильме «Десять негрят» по роману Агаты Кристи. Очень такая таинственная и сильная роль. Вы, наверное, знаете про это популярное на телевидении шоу «Двенадцать негрят»...

— Нет, я мало смотрю телевизор. В основном спортивные программы, так как поклонник спорта. Ну, «Новости» еще, что-то по каналу «Культура». А так все это такое... (Смеется). Ведь все зависит от людей, которые делают эти программы, от их культуры, их масштаба. Все это до смешного доходит просто. Понимаете, я же видел самые высочайшие образцы и эстрады, и драматического искусства: и Утесов, и Вертинский, и Изабелла Юрьева, Клавдия Шульженко. Очень помечал масштаб. Деньги вышли на первый план, но деньги — это не все. Как сказал Алеша Баталов, «деньги — это большое удобство», но не более.

— Не остались ведь все-таки, наверное, какие-то положительные примеры? Есть энтузиасты, которые трудятся не за деньги...

— Вот я недавно был в детском театре, который находится на улице Чехова рядом с Ленкомом. Театрик этот расположен в подвале. Там 85 мест. Руководителница — Светлана (к сожалению, не знаю ее фамилии). Очаровательная женщина, высочайшего класса специалист по вокалу, пригласила меня в этот театр, потому что она занимается с нами тоже по вокалу в спектакле «Человек из Ла-Манчи». Я пришел. Там школьники, от пятнадцати и старше, дальше они уходят — поступать в театральные училища. Это театральная студия — там и мастерство, и танец, и вокал. Но я бы назвал это место просто «дом человеческой доброты». Когда я сидел в зрительном зале, открылось это действо, я услышал эти голоса! Спектакль был построен на русском песенном фольклоре. Как сделан, как придуман! Я был потрясен! Я хотел аплодировать, потому что там были какие-то законченные куски, но этими исполнителями создавалась такая атмосфера, что не хотелось нарушать ее, и никто не аплодировал, все слушали. Это было просто такое священнодействие! Какие одаренные ребята, как они двигаются, какие голоса! Я говорю уже к тому, что не все сегодняшние ребята колются наркотиками, курят, воруя. Дети бывают разные. И люди, руководители этих учреждений, которые получают гроши, которые не за деньги работают, а по зову сердца, своей души, по зову доброты, любви к детям, — это те драгоценности, те жемчужины, на которых держится наше отечество...